

Трансгендерные и интерсекс* люди в мужских тюрьмах штата Нью-Йорк

Трансгендерные и интерсекс* люди в мужских тюрьмах штата Нью-Йорк

(Оригинальное название: «“It’s war in here”: A Report on the Treatment of Transgender and Intersex People in New York State Men’s Prisons»)

Опубликовано в 2007 году
Правовым проектом им. Сильвии Риверы
(Sylvia Rivera Law Project)
322 8th Avenue, 3rd Floor
New York, NY 10001
www.srlp.org

Деятельность Правового проекта имени Сильвии Риверы направлена на то, чтобы все люди вне зависимости от уровня дохода и расы могли свободно определять свою гендерную идентичность и самовыражение, не подвергаясь дискриминации и насилию.

SRLP is a 501c-3 nonprofit organization.

© Copyright 2007 SRLP. Some Rights Reserved.

Авторство: D. Morgan Bassichis. Редактирование: Dean Spade.

Правовой проект приветствует и даёт своё разрешение на некоммерческое воспроизводство и распространение этого отчёта в целом или по часиям, а также даёт разрешение на использование этой работы в целом или по частям в целях создания производных работ, при условии указания авторства и издательства и при условии, что такие работы распространяются по той же лицензии. (Подробнее, см. *Лицензия Creative Commons 3.0 «С указанием авторства — Некоммерческая — С сохранением условий»*).

Перевод на русский язык выполнен Яной Кирей-Ситниковой при финансовой поддержке Транс* Коалиции на постсоветском пространстве (<http://www.transcoalition.info>). Перевод распространяется бесплатно по *Лицензии Creative Commons 3.0 «С указанием авторства — Некоммерческая — С сохранением условий»*. Сноски и приложения не переводились и доступны в англоязычной версии отчёта.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ВВЕДЕНИЕ.....	4
II. ЦЕЛИ И МЕТОДОЛОГИЯ.....	5
III. ПРЕДПОСЫЛКИ: Дискриминация, бедность и заключение.....	6
III.1. Число заключённых в США продолжает расти, в то время как тюремные условия остаются жестокими.....	6
III.2. В связи со всеобъемлющей дискриминацией, среди трансгендерных людей диспропорционально много бедных и бездомных.....	7
III.3. Преступления для выживания и полицейское профилирование.....	9
IV. ЕЖЕДНЕВНЫЕ РЕАЛИИ: Условия содержания транс* и интерсекс* людей в тюрьмах. .	11
IV.1. Место содержания.....	11
IV.2. Унизительное обращение и домогательства.....	12
IV.2. Отказ в предоставлении медицинской помощи.....	18
IV.3. Душ и невозможность уединения.....	1
IV.4. Регулирование внешности и невозможность гендерного самовыражения.....	1
IV.5. Женские тюрьмы.....	1
V. РЕКОМЕНДАЦИИ.....	2

I.

ВВЕДЕНИЕ

Со времени своего открытия в 2002 году Правовой проект имени Сильвии Риверы (Sylvia Rivera Law Project, SRLP; далее Проект) предоставил бесплатную юридическую помощь более чем 700-ста интерсекс*, трансгендерным и гендерно-неконформным людям. Наши клиент_ки — это люди с низкими доходами и реорле of color, которые встречаются с дискриминацией в области трудоустройства, поиска жилья, образования, здравоохранения, а также дискриминацией со стороны социальных служб. С самого начала наши юрист_ки и адвокат_ки последовательно отмечали непропорциональную представленность наших клиенто_к в системе уголовного правосудия в результате полицейского профилирования, бедности и необходимости вовлечения в криминализованную деятельность ради выживания. Мы также отмечали исключительно жестокие условия, с которыми они сталкивались во время заключения.

К сожалению, до настоящего времени собрано крайне мало информации о трансгендерных и интерсекс* людях в США и их опыте в местах лишения свободы. Те немногие случаи, которые стали известны, проливают свет на сексуальное насилие [1] и медицинскую дискриминацию по признаку гендера [2]. Однако в связи с тем что в системе уголовного наказания как правило не собирается информация о количестве трансгендерных и интерсекс* людей и их опыте заключения, в знаниях об этих группах людей существует значительный пробел.

40% клиенто_к Правового проекта на протяжении последних четырёх лет имели проблемы с уголовным правосудием, что говорит о непропорциональной роли, которую эта система играет в данных сообществах. Проект оказал помощь 106 клиент_кам, которые находились в заключении на момент оказания им помощи. В подавляющем числе случаев они указывали на насилие, отказы в предоставлении необходимой медицинской помощи и помещение в камеры для лиц другого гендера. Во многих случаях обращение с ними противоречит существующим законам, однако недостаток правовой помощи, доступной заключённым, приводит к тому, что большинство из них не могут защитить свои права [3].

Правовой проект имени Сильвии Риверы провёл это исследование, чтобы задокументировать опыт наших клиенто_к в тюрьмах штата Нью-Йорк. Мы осознаём, что хотя мы и не имеем возможности провести широкое эмпирическое исследование об этой группе людей, мы можем поделиться большим количеством качественной информации, которую мы собрали в ходе представления интересов наших клиенто_к, находящихся в местах лишения свободы, на протяжении последних трёх лет. Для написания этого отчёта и иллюстрации условий заключения, которые часто отмечаются нашими клиент_ками, автор собрал подробные истории у двенадцати клиенто_к, которые находятся либо находились в заключении в различных мужских тюрьмах штата Нью-Йорк. Помимо этого, автор проинтервьюировал нескольких правозащитни_ц из города Нью-Йорк, работающих с трансгендерными людьми. Мы надеемся, что информация из этого отчёта окажется полезной для понимания трудностей, с которыми встречаются люди из нашего сообщества, попавшие в руки уголовной системы, а также в разработке и внедрении правил и практик для снижения насилия и дискриминации, которым они подвергаются в исправительных учреждениях.

*Дин Снейд
2006*

II.

ЦЕЛИ И МЕТОДОЛОГИЯ

Задачей этого отчёта является улучшение понимания условий пребывания трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* людей в мужских тюрьмах штата Нью-Йорк. Отчёт не ставит своей целью передать один обобщённый, точный опыт, или даже полностью представить опыты всех интервьюируемых. Его задачей является описание ежедневных ситуаций, с которыми сталкиваются некоторые клиент_ки Правового проекта, обозначение причин, по которым среди трансгендерных людей непропорционально много бедных, бездомных и заключённых, а также разработка практических рекомендаций для улучшения их условий жизни и снижения их сверхпредставленности в системе уголовного наказания.

Исследование, послужившее основой для этого отчёта, было проведено при помощи личных интервью и переписки с 12 сегодняшними и бывшими заключёнными клиент_ками Правового проекта, а также интервью с 10 правозащитни_цами из Нью-Йорка. В соответствии с пожеланиями интервьюируемых, некоторые имена, а также все имена и идентифицирующие характеристики конкретных тюрем и сотрудников полиции, были изменены.

Основной акцент при написании этого отчёта направлен на условия содержания в мужских тюрьмах, потому что большинство заключённых клиенто_к Правового проекта были помещены в мужские тюрьмы. Несмотря на этого, важно заметить, что многие трансгендерные, гендерно-неконформные и интерсекс* люди отмечали схожее по жестокости обращение и в женских тюрьмах. Некоторые из этих ситуаций обсуждаются в конце раздела IV. Необходимы дальнейшие исследования условия содержания трансгендерных и гендерно-неконформных людей в женских тюрьмах.

В настоящий момент существует лишь небольшое число исследований об опыте трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* людей в системе уголовного преследования, а также тех путях, которые привели их к заключению[4]. Тем не менее, этот отчёт использует анализ, выводы и рекомендации некоторых из этих исследований. Мы также находимся в долгу перед активист_кам и юрист_кам из Нью-Йорка, работающим на пересечении дискриминации по признаку гендерной идентичности, бедности и криминализации. Более того, этот отчёт появился на свет благодаря вкладу заключённых и не-заключённых людей, которые согласились поделиться своим опытом ради того, чтобы привлечь внимание общественности к этой безотлагательной проблеме. Мы надеемся, что данный отчёт послужит катализатором для дальнейших исследований и изменений правил содержания трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* людей в тюрьмах, а также поможет искоренить многообразные формы дискриминации, которые приводят к непропорционально высокой представленности этих людей в местах лишения свободы.

III.

ПРЕДПОСЫЛКИ:

Дискриминация, бедность и заключение

III.1. Число заключённых в США продолжает расти, в то время как тюремные условия остаются жестокими

Согласно данным на 30 июня 2005 года, в тюрьмах США содержится 2 186 230 человек — т.е. 1 на 136 человек населения США [5] — что намного выше, чем в любой другой стране мира [6]. За последние три десятка лет тюремная система США беспрецедентно разрослась как по количеству заключённых, так и числу исправительных учреждений и уровню федеральному финансированию. В 1980-м году общее число взрослых в США, находящихся под исправительным наблюдением, включая содержащихся в тюрьмах, центрах задержания, освобождённых под честное слово и условно освобождённых, составляло 1.8 миллиона человек. В конце 2004-го, это число взлетело до 7 миллионов — т.е. 1 на 31 человека, что составляет прирост на 390% за 24 года [7]. Этот взлёт числа заключённых был по большей части результатом «войны с наркотиками», объявленной президентом Никсоном и продолженной всеми последующими президентскими администрациями, а также политики «закона и порядка» и ужесточения наказаний, которые привели к распределению огромного количества федеральных ресурсов на содержание полиции и тюрем [8]. За последние тридцать лет также велось массовое строительство тюремных учреждений [9], усиливалась приватизация исправительной системы и значительно увеличилось финансирование тюрем: только в 2001-м году правительство потратило 38.2 миллиардов долларов на поддержание исправительной системы, что на 145% больше, чем в предыдущем году [10]. В 2003 году Министерство юстиции сообщило о том, что правительство США потратило почти 60.0 миллиардов долларов на исправительные расходы и зарплату персоналу, что на 423% больше, чем в 1982-м году [11].

Разрастание тюремной системы США оказало серьёзный и диспропорциональный эффект на *people of color* и людей с низкими доходами. Афро-американ_ки составляют 12.3% населения США, но 43% — среди заключённых. Белые составляют 69.3% населения, и только 37% среди заключённых. Латиноамерикан_ки составляют 13% населения, и 19% среди заключённых. Поразительно, но почти 13% афро-американских мужчин в возрасте от 25 до 29 лет находятся в тюрьмах, в то время как среди латиноамериканских мужчин того же возрастного диапазона этот процент составляет 3.7%, среди белых мужчин — 1.7% [12]. Хотя статистика заключённых среди коренных народов Америки является заниженной, исследования показали, что представитель_ницы коренных народов непропорционально представлены в системе уголовного правосудия и являются второй группой по числу заключённых на душу населения [13]. Помимо этого, число заключённых в женских тюрьмах выросло с 12 279 человек в 1977 году до 106 174 человек в 2005 году, что составляет прирост более чем на 760% [14]. В штате Нью-Йорк число заключённых в женских тюрьмах выросло примерно на 645% с 1973 по 2006 года. Более 71% заключённых в тюрьмах штата Нью-Йорк составляют *people of color*: почти 48% афро-американ_ок, около 24% латиноамерикан_ок, и около 28% белых [15].

Эти национальные тенденции повторяются в штате Нью-Йорк, который является четвёртым по числу заключённых в стране (после Техаса, Калифорнии и Флориды) [16]. По данным на июнь 2005-го года, в тюрьмах штата находятся 482 на каждые 100 тыс. человек — т.е. где-то 92 769 человек [17]. Процент заключённых в Нью-Йорке на 153% превышает соответствующую цифру в целом по стране. *People of color* непропорционально представлены в

тюремах штата Нью-Йорк. Афро-американ_ки составляют 15.9% населения штата, но 50.4% — среди заключённых. Афро-американ_ки и латиноамерикан_ки вместе составляют 91% среди 14 тысяч заключённых в городе Нью-Йорк [18].

Как и в целом по стране, среди заключённых штата Нью-Йорк непропорционально представлены люди с низким достатком, люди без образования и экономических возможностей. Примерно 90% заключённых не окончили среднюю школу, и от 50 до 70% читает по-английски на уровне ниже шестого класса. Помимо этого, от 60 до 70% заключённых употребляли психоактивные вещества [19]. Почти 60% заключённых в женских тюрьмах по стране не имели работы с полной занятостью до заключения, и около 37% имели доход менее 600 долларов в месяц [20].

Одновременно с увеличением числа заключённых, финансирования и строительства тюрем, США усилили полицейское присутствие и наблюдение начиная с 1980-х [21]. Полицейское присутствие непропорционально сконцентрировано в районах, где проживают люди с низким достатком и *people of color*, в результате чего эти группы сильнее всех подвергаются воздействию политики «закона и порядка». Такие практики последовательно проводились на протяжении последних десятилетий, но усилились в связи с «войной с наркотиками» и текущей «войной с терроризмом», благодаря чему частота арестов, задержаний и депортаций *people of color*, бездомных людей, а также людей без документов и с низкими доходами взлетела до невиданных высот [22]. Жестокость и профилирование со стороны полиции, а также уничтожение многих жизненно необходимых социальных служб и отмена социальных пособий создали в стране ситуацию, когда в люди из расово и экономически маргинализированных групп имеют большую чем когда-либо вероятность оказаться в тюрьме. Как будет показано в следующем разделе, тенденция к увеличению числа арестов людей с низкими доходами, *people of color* и женщин повторяется и в случае трансгендерных и гендерно-неконформных людей, и приводит к особенно высокому риску попадания в тюрьму для людей, находящихся на пересечении этих дискриминаций.

Одновременно с расширением исправительных учреждений отмечается увеличение случаев нарушений прав человека и гражданских прав в тюрьмах США [23]. Сексуальное насилие — как со стороны сотрудников тюрем, там и других заключённых — было задокументировано как повседневное явление в исправительных учреждениях США, в особенности в женских тюрьмах [24]. Вопиющее пренебрежение к здоровью и психическому самочувствию заключённых также широко задокументированы [25]. Распространены отсутствие должного предотвращения и лечения ВИЧ и гепатита С, недостаточная первичная медицинская помощь и отсутствие помощи при психических заболеваниях [26]. Также было задокументировано регулярное содержание в изоляторах и одиночных камерах в качестве наказания, а также разрушительные для психики последствия этой меры [27]. Расовая сегрегация и всеобъемлющий расизм со стороны сдуэащих тюрем вносят свой вклад в институализированную дискриминацию в исправительных учреждениях [28]. Спектр подобных нарушений прав человека в местах лишения свободы в США создаёт атмосферу, которую едва ли можно было назвать «реабилитирующей». Именно в этом контексте пренебрежения, насилия и дискриминации должен рассматриваться опыт трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* людей в тюрьмах.

III.2. В связи со всеобъемлющей дискриминацией, среди трансгендерных людей диспропорционально много бедных и бездомных

Среди трансгендерных и гендерно-неконформных людей непропорционально много бедных и бездомных, а также людей с криминальной историей и заключённых. Дискриминация в сферах жилья, трудоустройства, здравоохранения, образования, социальных льгот, а также со стороны социальных служб толкает трансгендерных людей на задворки официальной экономики. Не имея большого выбора, многие трансгендерные люди с низкими доходами за-

рабатывают на жизнь криминализованными способами такими как секс-работа. Трансгендерные люди также встречаются с насилием и физической жестокостью со стороны членов семьи, соседей и полиции из-за социальной стигмы и предубеждений. Хотя о таких случаях редко сообщают из-за страха перед полицией, организации такие как New York City Gay and Lesbian Anti-Violence Project сообщают о высоких уровнях физического и сексуального насилия в отношении трансгендерных людей [29]. Из-за дискриминации и насилия трансгендерные люди часто не имеют возможности получить доступ к минимальным ресурсам, призванным помочь бедным людям, — таким как шелтеры, приёмные семьи (foster care), медицинской помощи и государственным пособиям. Это приводит к тому, что многие трансгендерные люди на всю жизнь остаются бездомными, безработными и не получают медицинской помощи [30].

Для многих трансгендерных людей социальная и экономическая маргинализация начинается в раннем возрасте, когда их отвергают их семьи и когда они теряют материальную и эмоциональную поддержку со стороны родственни_ц и знакомых. Од_на активист_ка, котор_ая работает с ЛГБТ-подростками, описывает, как часто они вынуждены покинуть свой дом: «Большинство детей, с которыми я работаю, уходят из дома по разнообразным причинам, но всегда есть связь с гомофобией и трансфобией. Часто проблемы усиливаются бедностью и сопряжены с насилием и издевательствами» [31]. Из-за широкораспространённого непонимания трансгендерных идентичностей, трансгендерные подростки сталкиваются с частым отвержением со стороны семьи. Как отмечается в одном отчёте об ЛГБТ-подростках, «большой процент ЛГБТ-подростков, попадающих в учреждения государственной опеки, ушли из дома или были выгнаны оттуда в результате конфликта, связанного с их сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью» [32]. Многие подростки пытаются найти приёмные семьи, но сталкиваются с дискриминацией и становятся бездомными. По некоторым оценкам, до 40% бездомных подростков в городе Нью-Йорк являются лесбиянками, геями, бисексуал_ками или трансгендер_ками [33]. Многие ЛГБТ-подростки сбегают от враждебных родных и приёмных семей, благодаря чему вынуждены заниматься нелегальными и криминализованными видами деятельности для выживания, что приводит к высокому риску ареста и попадания в тюрьму.

Трансгендерные подростки подвергаются дискриминации в школе, из-за чего испытывают трудности с окончанием образования [34]. Они часто сталкиваются с насилием и оскорблениями со стороны других учащихся, учитель_ниц и школьной администрации, пытаясь воспользоваться гендерно-специфицированными туалетами, раздевалками и иными гендерно-сегрегированными пространствами в школе. По данным исследования, проведённого в 2005 году, более 64% ЛГБТ-учащихся чувствуют себя небезопасно в школах из-за своей сексуальной ориентации, и более 40% — из-за того, как выражают свой гендер. Помимо словесных оскорблений (64%), более трети учащихся испытывали физическое насилие в школах по причине сексуальной ориентации, и более 26% — в связи с гендерным самовыражением [35]. Как правило, такие случаи не осуждались руководством школ. По данным другого исследования в Вашингтоне (округ Колумбия), более 40% респондент_ок не закончили среднюю школу [36]. В сочетании с расизмом, бедностью и отвержением семьи, трансфобия и гомофобия в школах вызывают атмосферу, в которой трансгендерные подростки чувствуют себя небезопасно и имеют меньше шансов закончить обучение.

В этом контексте нетрудно представить, почему многие трансгендерные и гендерно-неконформные подростки оказываются без дома, без поддержки семей, общин, школ или приёмных семей, и в результате попадают в криминальный мир.

Высокие уровни ВИЧ/СПИД, инфекций, передающихся половым путём (ИППП), гетита С, депрессии и психических заболеваний являются наряду с отсутствием достаточной медицинской помощи распространёнными проблемами для трансгендерных и гендерно-неконформных людей в США [42]. Опрос потребностей транс* людей в Сан-Франциско показал, что 35% транс* женщин ВИЧ-позитивны. Данные опроса в округе Колумбия близки и

показывают, что 25% респонденто_к в целом и 32% транс* женщин имеют ВИЧ-позитивный статус [43]. Такой высокий уровень ВИЧ является результатом многих факторов, включая отсутствие профилактики и сервисов снижения вреда, высокий уровень внутривенного употребления психоактивных веществ и рискованную сексуальную активность [44]. Хотя 52% ответивших принимали гормоны в какой-то период своей жизни и 36% принимали их на момент опроса, лишь 34% из них делали это под наблюдением врача, тогда как 58% приобретали гормоны через друзей или на чёрном рынке, что ещё больше повышало для них риск попадания в полицию. В таких условиях гормональные инъекции без медицинского наблюдения и использования стерильных материалов также могут являться фактором передачи ВИЧ.

Отсутствие доступа к здравоохранению является значительным фактором, вносящим большой вклад в высокий процент заключённых среди трансгендерных людей. Люди, работающие с транс* сообществом, часто связывают вовлечение в криминальную деятельность с попытками получить необходимую медицинскую помощь. По словам трансгендерн_ой активист_ки из Лос-Анжелеса:

«За время своей работы с транс* сообществом, я видела, как многие трансгендерные люди попадают в руки правоохранительной системы, пытаются заработать деньги на безопасную, адекватную медицинскую помощь для [трансгендерного] перехода. Можно легко проследить связь между дискриминацией в здравоохранении и высоким процентом транс* заключённых» [45].

Помимо этого, как отмечает од_на активист_ка, работающ_ая с трансгендерными сообществами в Калифорнии, в системе здравоохранения распространена патологизация женщин of color с низкими доходами: «Люди из наших сообществ представляются как склонные к шизоаффективному расстройству или пограничному расстройству личности просто потому, что они жутко травмированы отвержением и насилием на протяжении своей жизни и используют для выживания похожие тактики, что и people of color и бедные, которые врачи расценивают как "манипулятивные" и "патологические"»[46]. Не будучи в состоянии предоставить адекватную заботу о психическом здоровье, исправительные учреждения становятся местами с высоким процентом людей с действительными или воспринимаемыми психическими проблемами [47], и эта тенденция характерна и для транс* и гендерно-неконформных людей.

Такая множественная дискриминация приводит к тому, что трансгендерные и гендерно-неконформные люди оказывают непропорционально бедными и бездомными, испытывают трудности с доступом к здравоохранению и трудоустройству. В связи с тем, что шелтеры для бездомных сегрегированы по признаку пола и часто пропитаны трансфобией [48], бездомные трансгендерные люди не имеют даже минимальной поддержки, доступной не-трансгендерным людям в подобных ситуациях [49].

III.3. Преступления для выживания и полицейское профилирование

Из-за бедности и дискриминации многие трансгендерные люди занимаются криминализованными видами деятельности, такими как секс-работа, продажа психоактивных веществ и кражи, либо подвергаются арестам, как и другие бедные, за праздношатание (loitering), безбилетный проезд или сон на улице [50]. Эти правонарушения, в сочетании с полицейским профилированием трансгендерных людей как психически нездоровых, агрессивных, predisposed к занятию секс-работой, по природе лживых, а то и всё это вместе... приводят трансгендерных людей, и особенно транс* женщин of color, к частым контактам с полицией. Такие контакты почти всегда ведут к насилию и злоупотреблению со стороны полиции, по мотивам личной и системной трансфобии. Недавний отчёт Amnesty International содержит упоминание о регулярном полицейском насилии в отношении трансгендерных людей:

«Трансгендерные люди, и в особенности бедные и транс* люди of color, сталкиваются с одними из наиболее вопиющих случаев полицейской жестокости,

какие только доводились до сведения Amnesty International. Мы обнаружили, что полицейские склонны обращать особое внимание на людей, не вписывающихся в гендерные стереотипы, определяющие "правильное" маскулинное и феминное поведение. Раса вносит особый вклад в подверженность ЛГБТ-людей злоупотреблениям со стороны полиции, что говорит о том, что такие злоупотребления происходят не только от гомофобии и трансфобии, но и из-за расизма. Также мы получили данные о жестоком, бесчеловечном и унижительном обращении с ЛГБТ-людьми во время арестов, обысков и содержания в камерах. Нам рассказывали о случаях, когда полицейские обыскивали трансгендерных и гендерно-вариативных людей только для того, чтобы узнать их "настоящий" пол. Мы также получили информацию о помещении ЛГБТ-людей в камерах и центрах по задержанию таким способом, что делало их пребывание там небезопасным. В особенности, трансгендерные люди часто помещаются в камеры согласно полу, определённого на основании их гениталий, а не гендерной идентичности или самовыражению, что приводит к риску словесного, физического и сексуального насилия со стороны других задержанных» [51]

Согласно исследованию, проведённому в Сан-Франциско, полицейские ответственны за 50% случаев трансфобного и гомофобного насилия в отношении трансгендерных людей [52]. Трансгендерные люди сообщают о регулярном домогательстве, жестокости и профилировании со стороны полиции, и многие связывают это со стереотипами, которые представляют транс* женщин как секс-работниц [53] — вне зависимости от того, действительно ли они ей занимаются — а также невозможностью поменять пол в документах [54]. Одна респондентка, молодая транс* женщина, описывает это так:

«Моих трансгендерных подруг арестовывают едва ли не ежедневно. Иногда их арестовывают за секс-работу, даже когда они не работают, полиция просто считает "Это транс, надо его арестовать". Они выискивают транс* женщин. Но когда нам нужна помощь, их никогда не оказывается, когда кто-то преследует или домогается, то их нет. Им наплевать и они не хотят об этом ничего знать» [55]

За последние десятилетия изменения практик полицейского патрулирования районов, которые были традиционными местами встречи для трансгендерных людей, привело к увеличению числа арестов [56]. По словам одн_ой активист_ки:

«Тот факт, что политика "Качества жизни" ("Quality of Life") была впервые опробована в 6-м округе [West Village в Нью-Йорке, один из самых дорогих районов] в начале 90-х, это не случайность. Будучи одним из немногих оставшихся безопасных мест для квир* и транс* людей с низкими доходами, этот район подвергся действию новым правилам, призванным убрать эти сообщества с глаз людей, которые могли себе позволить купить жильё в этом месте. Подобная политика продолжает сегодня применяться по всему Нью-Йорку и была скопирована во многие другие города США. Такие правила напрямую связаны с проектами джентрификации, целью которых является вытеснение и криминализация бедных и reople of color» [57].

Благодаря такой системной дискриминации трансгендерные и гендерно-неконформные люди оказываются сверхпредставлены в местах лишения свободы. Будучи однажды арестованы, они часто получают недостаточную юридическую помощь, сталкиваются с предубеждениями со стороны юристо_к, прокуроров и судей, что приводит к непропорционально длительным срокам заключения за небольшие правонарушения [58].

Дискриминация и насилие, преследующие трансгендерных людей за пределами правоохранительной системы, повторяется и усиливается в её стенах. По словам одн_ой участни_цы интервью, «Мы попадаем из одного мира, который ненавидит нас, в другой такой же» [59].

IV.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ РЕАЛИИ:

Условия содержания транс* и интерсекс* людей в тюрьмах

«На нас смотрят как на фриков или больных, либо психически либо физически. Я знаю это, будучи пре-оп транссексуалкой из Пуэрто-Рико, сидящей за решёткой. Я каждый день спрашиваю Бога, когда же этот кошмар закончится» [60]

«Я нарушила закон, но никогда не делала ничего, чтобы заслужить такое... Ты живёшь в страхе и делаешь всё возможное, чтобы только выжить» [61]

Недопонимание и предубеждение в отношении трансгендерных людей, способствующие дискриминации на воле, широко распространены и в местах лишения свободы и вносят вклад в дискриминационное отношение к трансгендерным, гендерно-неконформным и интерсекс* людям. К основным проблемам относятся: место содержания, доступ к медицинской помощи, пользование душем, гендерированная одежда и регулирование внешнего вида. Данная глава основана на интервью с клиент(к)ами Проекта правовой помощи Сильвии Риверо и описывает унижения и насилие, совершаемые в этих контекстах.

IV.1. Место содержания

Интервьюируемые постоянно упоминали о месте содержания в тюрьме как важнейшем вопросе для своей безопасности. Исправительные учреждения в США разделены по признаку пола, и заключённые распределяются в них на основании пола, приписанного при рождении, и/или на основании строения гениталий [62]. Трансгендерные женщины, которые живут и идентифицируют себя как женщины, но которым при рождении был приписан мужской пол, как правило помещаются в тюрьмы для мужчин. Там они становятся заметной мишенью для дискриминации и насилия, и ежедневно сталкиваются с отказом в признании своей гендерной идентичности со стороны тюремных служащих и других заключённых [63].

Выделяют два основных типа камер: это общие и защищённые камеры. В защищённые камеры помещаются люди, подверженные высокому риску насилия или издевательств со стороны других заключённых, либо люди, отбывающие дополнительное наказание, а также те, кто склонны к агрессии по отношению к другим заключённым. В таких условиях могут содержаться судьи, политики, люди, совершившие сексуальные преступления, полицейские или люди, которые могут подвергнуться насилию по причине гендерного самовыражения или сексуальной ориентации. Уровень реальной безопасности, однако, отличается в разных тюрьмах: в некоторых случаях такие камеры защищают от насилия со стороны других заключённых, тогда как в других изоляция приводит к повышенному риску насилия со стороны тюремных служащих.

Одна из клиенток Проекта, Жакки, в данный момент добивается перевода в защищённую камеру, в надежде, что там она будет испытывать меньше насилия и издевательств со стороны других заключённых:

«Тюрьма это абсолютный кошмар. Какое-то сумасшествие, и ты думаешь "такого просто не может быть". Но такова ежедневная реальность. Единственное что хорошо, это что ты заперта 23 часа в день, 7 дней в неделю. В противном случае, мне бы приходилось выживать среди других заключённых» [64].

Сандей, бывшая заключённая, описывает ситуацию в подобных же тонах, вспоминая ситуации насилия, в которых отдельная камера казалась единственной альтернативой смерти [65]. Однако администрация тюрьмы отказала ей в предоставлении защищённой камеры.

Однако другие клиент_ки Проекта утверждали, что помещение в защищённые камеры для них нежелательно, т.к. это делает их более уязвимыми к домогательству со стороны сотрудников тюрем. Также они упоминали о том, что это ограничивает их возможности передвижения и доступа к профессиональным и развлекательным программам. Бианка, одна из клиенток Проекта, находящаяся в данный момент в общей камере, добивается судебного разбирательства в связи изнасилованием со стороны тюремных служащих. По её словам, «в защищённых камерах всё ещё хуже, потому что там нет камер видеонаблюдения» [66]. Для неё помещение в защищённую камеру будет означать меньше возможностей для документирования злоупотреблений, которые постоянно совершаются в отношении неё. Другая респондентка отмечает, что она «провела 95% времени в защищённой камере, и там не было никаких программ» [67], имея ввиду образовательные, реабилитационные и профессиональные программы.

Вне зависимости от того, дают ли отдельные камеры защиту или нет, изоляция оказывает негативное влияние на физическое и психическое самочувствие заключённых, таким образом защищённые камеры являются нежелательной альтернативой [70]. Истории наших клиенто_к подтверждают, что до тех пор, пока тюрьмы будут оставаться разделёнными по полу на основании гениталий или пола, приписанного при рождении, пребывание в них трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* людей будет опасным.

IV.2. Унизительное обращение и домогательства

Кажд_ая из опрошенных упоминал_а домогательство и/или насилие в той или иной форме за время своего пребывания в тюрьме. Регулярное физическое, эмоциональное и сексуальное домогательство включало в себя словесные оскорбления, физическое и сексуальное насилие, унизительное обращение и изнасилования.

Физическое и сексуальное насилие

Из-за того, что трансгендерные, гендерно-неконформные и интерсекс* люди в мужских тюрьмах как правило хорошо заметны, они становятся излюбленными мишенями для гомофобного и трансфобного насилия [71]. Как заметила одна из опрошенных: «Мой рост 190 см, так что вроде ходячей мишени» [72]. По словам опрошенных, значительная доля насилия и жестокости исходит от тюремных служащих. Как отмечает Бианка, это создаёт опасность для жизни: «Моя жизнь постоянно находится в опасности. Я просто мечтаю выйти отсюда живой» [73]. Вот что она описывает:

«Я не стыжусь сказать — здесь идёт война. Администрация против нас. Если тебе что-то нужно, они отвечают "Будь мужиком!"... Здесь много оскорблений от других заключённых, но они слегка меня опасаются. Самые жестокие это сотрудники тюрьмы. Именно их нужно бояться...

Меня регулярно насилуют, и я отправляла одну жалобу за другой, но без результата. Я опасюсь настаивать на рассмотрении своих жалоб в отношении сотрудников, которые меня избивают и насилуют. Я находилась в наручниках и была полностью обездвижена, когда тюремщики меня насильовали. Но потом они говорили, что это я напала на них. Главный инспектор сказал, что они имели право со мной это сделать. Что я мужчина и не должна так одеваться...

Когда они бьют особенно сильно и не хотят, чтобы об этом узнали, то бросают тебя в карцер. Они посадили меня в карцер на 6 месяцев, после того как избивали.

Шесть месяцев! Это животные... Меня избили 12 тюремщиков. А я вешу всего 56 кг [74]»

После избиений, по словам Бианки, тюремные служащие рвали её письма и отказывали в необходимом лечении. В письме, адресованном медицинской службе тюрьмы, Бианка описывает другой инцидент:

«<имя служащего> долбанул меня лицом об стену после того, как я вежливо попросила его, чтобы он меня не трогал, когда он начал тянуть меня за свитер. Мне очень больно, потому что он не имеет права поднимать руку на женщин, но почему тогда он сделал это со мной? Я тоже женщина... Теперь у меня нервный срыв, потому что волосы на лице растут, а я не могу воспользоваться душем и бритвой, потому что у меня разбито лицо. Должно быть, он чувствует себя настоящим мужчиной, раз смог избить женщину (т.е. меня)» [75]

Такое откровенное насилие сопровождается постоянными издевательствами и дискриминацией:

«На последнем слушании по досрочному освобождению меня дразнили, всячески обзывали. Они не имеют права это делать во время слушания... Один служащий выдал мне женскую одежду, но на следующий день объявил, что я пыталась сбежать... Они отняли моё обручальное кольцо, заявив, что "гомики не могут жениться"...» [76]

Помимо словесных и физических наездов по признаку гендерной идентичности, интервьюируемые сообщали, что подвергались дисциплинарным взысканиям за якобы «гомосексуальную активность», которую связывали с приписываемой им сексуальной ориентацией. Такие взыскания могут негативно повлиять на возможность досрочного освобождения и привести к более серьёзным наказаниям.

Унизительное обращение

Издевательства могут принимать форму унижения по признаку гендерной идентичности и самовыражения. Например, Викки, трансгендерная женщина, находящаяся в общей камере в тюрьме штата Нью-Йорк, сообщает об издевательствах со стороны тюремных служащих:

«Именно тюремщики создают больше всего проблем. Они пытаются сделать меня изгоем... Один охранник налил мне жидкого мыла в туалет, так чтобы он переполнялся пузырями. Он развесил моё нижнее бельё по всему помещению, так чтобы все его видели. Это было ужасно унизительно. Я всего лишь хочу, чтобы меня оставили в покое. Через месяц я написала жалобу, но не получила ответа. Очень тяжело доказать эти правонарушения. Наконец, его отправили в отпуск. И всё. Но я-то осталась здесь с его друзьями... Я чувствую как будто меня держат в заложниках» [77]

Викки описывает другой случай, когда служащий отобрал любовное письмо, которое ей прислал другой заключённый, отсканировал его и развесил повсюду — на доске для объявлений, в лазарете, где она работала, и в обеденном зале — чтобы все видели [78].

Стефани также описывает подобные случаи унизительного обращения со стороны служащих:

«Однажды я не досчиталась двух бюстгалтеров в своей стирке, о чём сообщила служащему. Он включил микрофон и сообщил про это на всю тюрьму. Это была одна из ужасных вещей, которая со мной случалась. Я не могла в это поверить.

У них слишком много уловок, чтобы делать всё, что они захотят с нами... Они превращают любую вашу просьбу в кошмар. Надо что-то с этим делать. Необходимо как-то контролировать, что делают тюремные служащие и как они

себя ведут» [79]

Лори, трансгендерная женщина, отбывающая наказание в защищённой камере в мужской тюрьме штата Нью-Йорк, описывает результаты подобного обращения на регулярной основе:

«Всё это небольшие эпизоды, которые здесь часть повседневной жизни, но когда их накапливаются сотни, жизнь становится невыносимой для таких заключённых как я, и при этом тюремщики не подвергают себя риску быть обвинёнными в дискриминации или других нарушениях» [80]

Беа, другая трансгендерная женщина, находящаяся в защищённой камере, сообщает, что служащие отключили воду и электричество в её камере, её наказывали по ложным обвинениям, и она подвергалась насилию со стороны других заключённых по подстрекательству сотрудников тюрьмы. Также служащие отказывали ей в бумаге и ручке [81]. Маверик, интерсекс* человек, также описывает повседневное поведение служащих: «Они смеются над тобой, обзывают гадкими словами, пытаются эмоционально тебя уничтожить» [82]

Обыски

Необоснованные обыски, в том числе с раздеванием, также становятся поводом частых жалоб со стороны проинтервьюированных заключённых. Викки объясняет, что «они используют обыски как способ унижения, и все их друзья при этом присутствуют» [83]. Сандей, трансгендерная женщина, отбывавшая наказание в нескольких тюрьмах штата Нью-Йорк, сообщает о схожих унижениях:

«Двое тюремщиков особенно отличились — они устраивали обыски по 4-5 раз в день! Не-трансгендерных людей никогда не обыскивают, за исключением случаев, когда их действительно в чём-то подозревают. Если они захотят, то могут тебя поставить к стенке. А ведь всем известна разница между обычным похлопыванием рукой при обыске и ощупыванием. Но я не возражала, потому что не хотела неприятностей» [84]

Интерсекс* люди также регулярно подвергаются необоснованным принудительным обыскам. По словам одн_ой правозащитни_цы из Калифорнии, тюремные служащие часто оправдывают излишнее количество обысков необходимостью определить пол интерсекс* человека:

«Люди с интерсекс* характеристиками, тела которых не были хирургически "нормализованы", воспринимаются как "фрики" в тюремной системе, потому что их тела не могут быть чётко отнесены к "мужской" или "женской" категориям. Их часто отправляют в изолятор, просто потому что администрация не знает, в какую тюрьму их определить: мужскую или женскую. Одна моя клиентка регулярно подвергалась обыскам с раздеванием, просто потому что тюремные служащие хотели посмотреть на её гениталии. Она не идентифицировала себя как транс* человек, но её опыт унижения и стигматизации был схож с тем, что испытывают мои трансгендерные клиент_ки» [85]

Хотя не-трансгендерные интерсекс* люди и транс* люди подвергаются различным формам дискриминации в тюрьмах, очевидно, что во многом их опыты перекрываются. Обе группы подвергаются регулярным унижительным обыскам со стороны тюремных служащих из-за строения их гениталий и/ли идентичностей, которые не вписываются в традиционное понимание гендера и пола.

Наказания

Важнейшей частью ежедневного опыта унижения трансгендерных и гендерно-неконформных людей являются дисциплинарные наказания в преувеличенных объёмах. По словам

Лори:

«Когда среднестатистические заключённые совершают нарушение, в их отношении применяют обычные наказания, сопоставимые с тяжестью нарушения. Когда то же действие совершает кто-то вроде меня, то такие заключённые подвергаются гораздо более суровым наказаниям по сравнению с заключёнными, не являющимися геями или трансгендерами» [86]

Люди, которых мы проинтервьюировали, сообщали о непропорционально частом попадании в изолятор, где они подвергались регулярному физическому и сексуальному насилию, унижению, а также не могли получить еду и срочную медицинскую помощь. В некоторых случаях, наказания напрямую связаны с гендерной идентичностью или самовыражением (в добавок к дискриминации по признакам расы, национальности и ВИЧ-статуса), в других — трансгендерные заключённые подвергаются непропорционально суровым наказаниям за обычные нарушения. Лори попала на 30 дней в одиночную камеру за ношение бюстгалтера [87]. Бианку посадили в одиночную камеру на 6 месяцев после того, как её избили тюремные служащие. Она также получила дополнительно от 2 до 4 лет лишения свободы за то, что носила при себе оружие, чтобы защититься от группы заключённых, которые регулярно нападали на неё. Хуже того, тюремные служащие практически никогда не несут ответственности за эти нарушения.

Безнаказанность

Отсутствие системы обратной связи со стороны заключённых позволяют служащим совершать злоупотребления в отношении трансгендерных заключённых, не неся никакой ответственности. Беа говорит:

«Я отправила чуть ли не сотню жалоб за последние 6 лет. За большинство из них мне самой доставалось, и система настолько коррумпирована, что она защищает охранников вплоть до уровня тюремной администрации. По их мнению, охранники всегда правы» [88]

Лори также описывает неадекватность процедур рассмотрения жалоб:

«В моём случае, мне не делали ничего плохого за жалобы, но система их рассмотрения такова, что тюремной администрации удаётся всех запутать, скрыть имена ответственных тюремщиков и интерпретировать эти жалобы совсем в другом ключе, так чтобы ничего нельзя было исправить» [89]

Глайса также подчёркивает отсутствие институализированного решения для борьбы с дискриминацией и злоупотреблениями:

«Предполагается, что процедуры обжалования [действий сотрудников тюрем] призваны помочь нам, но в большинстве случаев это какая-то пародия, потому что они практически всегда решают дело не в нашу пользу, даже если наши обвинения справедливы. Я отправила несколько жалоб в связи с ненадлежащей медицинской помощью и некорректным обращением по признаку трансгендерности. Большинство из них были проигнорированы, и при этом я подвергалась запугиванию за составление этих жалоб» [90]

Од на правозащитни ца трансгендерных заключённых говорит о совершенно неудовлетворительном характере процедур рассмотрения жалоб:

«Когда трансгендерные, гендерно-неконформные или интерсекс* люди подвергаются насилию или изнасилованию и принимают смелое решение что-то с этим сделать, их выбор оказывается невелик. Одна из проблем — отсутствие доказательств. Служащие как правило отказывают заключённым в получении

медицинской помощи после изнасилования или побоев, либо угрожают возмездием в случае обращения за помощью, поэтому нет никаких медицинских свидетельств. Когда заключённые пытаются собрать и спрятать физические доказательства, например, сперму, служащие обычно находят их, уничтожают и мстят. Видеозаписи инцидентов, если они существуют, таинственным образом исчезают, либо камеры оказываются в нерабочем состоянии. В одном случае, нападение на мою клиентку было снято видеокамерой, но во время расследования оказалось, что в камере в тот момент не было плёнки... Другая проблема это отсутствие юристо_к и правозащитни_ц, которые умеют и хотят работать с подобными делами.

Ещё большая проблема — это месть заключённым за жалобы. Моих клиенто_к били, душили, ударяли об стену, угрожали убийством и рассказывали другим заключённым, что они стукачи, за то, что они встречались со мной и моими коллегами, либо направляли жалобы. Поэтому я отношусь с пониманием, когда многие трансгендерные, гендерно-неконформные и интерсекс* заключённые теряют желание возбуждать дела и разбирательства в свете таких угроз. Для меня чрезвычайно трудно общаться со своими клиент_ками, когда я знаю от них, что служащие читают мои письма и даже утверждают, что прослушивают наши разговоры. Я также очень разочаровываюсь, зная, что могу кому-то помочь, но они боятся со мной общаться из-за того, что верят в угрозы тюремщиков, что их убьют за это» [91]

Негативное обращение со стороны других заключённых

Хотя большинство респонденто_к указали, что насилие и злоупотребления, с которыми они сталкиваются, в основном исходят от тюремных служащих, многие также описывали случаи насилия со стороны других заключённых. Что важно, все эти случаи происходили при неявном позволении служащих, а иногда и при их активном участии. Стэфани обозначает причины такого обращения:

«Здесь есть некоторые люди, которые представляют собой угрозу для окружающих по тем или иным причинам. Возможно, потому, что транссексуалка выглядит слишком привлекательно для них, и они начинают сомневаться в собственной сексуальности и мужественности. Также тут есть заключённые из религиозных семей, которых с детства учили, что наш образ жизни является грехом. Но у них настолько искажённый взгляд на мир, что они направляют свои чувства злости, горечи, бессилия, похоти, ярости, ненависти и гомофобию на то, чтобы причинять страдания трансгендерным людям» [92]

Стэфани также описывает ежедневные словесные оскорбления и издевательства:

«Я наслушалась много гадостей от служащих, но и от других заключённых тоже. Они обзывали меня "ящерицей", пидором, гомиком, но особенно им нравится называть меня мужским именем. "Ящерица" это унижительный термин для обозначения транссексуалок в тюрьмах... Другие заключённые стыдятся иметь дело с теми, кого так обзывают» [93]

Бианка говорит, что настолько измучена постоянными издевательствами других заключённых, что перестала ходить в столовую: «Я не хожу на завтрак, обед и ужин, лишь бы не встречаться лишней раз с этими людьми. Я съедаю 5-6 кусков хлеба в день. Я не хожу в столовую — я просто не могу» [94]

Глайса описывает регулярное сексуальное домогательство и насилие:

«Я подвергалась насилию, когда меня избивали и насиловали за то, что я

трансгендерка с женской грудью и выгляжу феминно. Меня выкинули из камеры за то, что я отказывалась заниматься сексом с другими заключёнными. Мне давали в морду, пинали и угрожали за то, что я — транс* женщина — осмелилась сказать "нет", когда они приставали ко мне с сексуальными домогательствами. Меня оскорбляли, хватали за грудь и попу, потому что знали, что я транс* человек, — а значит, им это сойдёт с рук, потому что никого не заботит, что с нами происходит в тюрьмах» [95]

Другой аспект насилия в отношении трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* людей в тюрьмах — это совместные действия тюремных служащих и других заключённых по принуждению к занятию проституцией и нежелательным сексуальным действиям. Сандей описывает проституцию в тюрьмах:

«Многих девочек принуждают к проституции — и они соглашаются, чтобы выжить. К некоторым приставают, в других плюют — в зависимости от того, как ты выглядишь. Некоторых из нас забирали с первого же дня поступления в тюрьму — просто кто-то решал, что мы им нравимся. Он поселил меня у себя, и у меня не было выбора. Но я и не сталкивалась с таким насилием, как другие девочки, потому что я трахалась с одним мужиком. С другой стороны, я не могла сбежать — если бы я попыталась, он бы убил меня. Мне было сказано, что у меня не было выбора. Мне сказали, он будет заботиться обо мне. Всем этим руководили охранники. Именно они продавали нас, а не заключённые. Они говорили: "Либо ты будешь с ним, или отпавишься в карцер"» [96]

Описание сексуального насилия со слов Сандей отдаются эхом в словах других участвующих в интервью. Одна из них отмечает: «Если ты не трахаешься с кем-то одним, то тебя будут трахать все» [97]

В своих показаниях во время слушания дела об изнасиловании в тюрьме, один юрист, защищающий права трансгендерных людей в тюрьмах, отметил распространённые случаи принуждения к занятию проституцией со стороны тюремных служащих:

«Распространённой формой сексуального насилия над трансгендерными, интерсекс* и гендерно-неконформными людьми в тюрьмах является принуждение к проституции. Тюремные служащие приводят трансгендерных женщин в камеры к заключённым мужчинам и запирают там, чтобы заключённые могли заняться с ними сексом. Мужчины-заключённые потом платят служащим тем или иным образом, например, сигаретами или деньгами. Изнасилования и сексуальная эксплуатация трансгендерных, интерсекс* и гендерно-неконформных людей в некоторых тюрьмах совершается абсолютно открыто. Иногда все или почти все служащие и администрация в тюрьме знают о насилии, но даже те, кто в этом не участвует, предпочитают не возражать» [98]

По словам одно_ой участни_цы интервью, «... мы находимся на низшей ступени тюремной иерархии. Приходится платить кому-нибудь за защиту, но большинство людей даже не хотят с тобой разговаривать или сидеть с тобой за одним столом» [99]. Такая позиция приводит к тому, что трансгендерные, интерсекс* и гендерно-неконформные люди в тюрьмах подвергаются повышенному риску насилия со стороны других заключённых [100].

Принудительная проституция, сексуальное насилие и практики обмена сексуальных услуг на защиту подвергает этих людей высокому риску заражения инфекциями, передающимися половым путём (ИППП), в особенности ВИЧ и гепатитом, которые широко распространены в исправительных учреждениях США [101]. Словесные оскорбления, физическое и сексуальное насилие создают исключительно опасную обстановку для трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* людей в тюрьмах. По словам Лори, эти факторы накладываются друг на друга, приводя к ситуациям, в которых насилие и дискриминация

неизбежны: «... транссексуалкам вроде меня очень сложно не быть в центре всеобщего внимания и не сталкиваться с проблемами на каждом шагу» [102].

IV.2. Отказ в предоставлении медицинской помощи

Как многим известно, услуги здравоохранения в исправительных учреждениях США неудовлетворительны как с точки зрения доступности, так и качества [103]. Через некоторое время после приватизации медицинской системы в тюрьмах штата Нью-Йорк, в исследовании Нью-Йорк Таймс подчёркивает: «Тюремные заключённые являются буквально самыми больными людьми в нашем обществе». Автор_ки пишут:

«Низкокачественная помощь либо её отсутствие, к сожалению, не ограничивается лишь частными тюремными компаниями, которые не предоставляют большинства медицинских услуг, положенных заключённым. Многие государственные учреждения ничуть не лучше. Основная проблема в том, что эта страна негласно решила уничтожить систему медицинской помощи в тюрьмах, несмотря на то что СПИД, туберкулёз и гепатит свирепствуют за тюремными стенами, и примерно один из шести заключённых страдает от серьёзного психического заболевания» [104]

Если даже общая медицинская помощь оставляет желать лучшего, нечего и говорить о надлежащей помощи при психических заболеваниях и инфекциях, передающихся половым путём, таких как ВИЧ/СПИД и гепатит, среди прочих [105].

Вдобавок к существующим проблемам в тюремном здравоохранении, трансгендерные, гендерно-неконформные и интерсекс* люди сталкиваются с дополнительными формами дискриминации и пренебрежения. Среди распространённых проблем — отказы в предоставлении первичной медицинской помощи, дискриминация со стороны врачей, отказ в предоставлении гормонов и других услуг, связанных с трансгендерным переходом, высокие уровни всевозможных заболеваний и в частности ИППП. Несмотря на то, что медицинские специалист_ки сходятся во мнении, что медицинские мероприятия, связанные с трансгендерным переходом, являются медицински необходимыми, безопасными и эффективными [106], эти услуги регулярно не предоставляются заключённым. По словам одн_ой участни_цы интервью: «Медицинские услуги и так никуда не годятся для среднестатистических заключённых. И они считают услуги, связанные с гендерным переходом, косметическими, необязательными для здоровой жизни» [107]

Хотя не все трансгендерные и интерсекс* люди проходят медицинские мероприятия, те, кто их совершает, считают их медицински необходимыми и очень важными для своего благополучия. Для того чтобы трансгендерные и гендерно-неконформные люди могли получить гормоны во время пребывания в тюрьмах штата Нью-Йорк, они должны были получить диагноз «Расстройства гендерной идентичности» и уже принимать гормоны по рецепту до заключения под стражу [108]. Даже те, кому удаётся преодолеть все административные препоны, связанные с доступом к медицинским услугам при переходе, получают в итоге непоследовательную и неквалифицированную помощь, например, неправильные дозировки гормонов либо прерывание курса лечения. Отказ в медицинских услугах, направленных на переход, может привести к серьёзным медицинским и психическим проблемам у заключённых, и иногда вынуждает их к попыткам купить гормоны у других заключённых, самокастрации и другим рискованным действиям, которые приводят к дисциплинарным мерам и неформальным наказаниям. Викки, которая уже имела диагноз «Расстройство гендерной идентичности» до своего заключения, рассказывает:

«Гормоны удаётся достать очень нерегулярно. Это каждый раз целая проблема. Они четыре месяца не давали мне Премарин [часто используемый гормональный препарат]. Вы не представляете, что со мной было. Я писала жалобы и наконец получила его через четыре месяца. Мне приходится подавать заявку на получение

гормонов каждый месяц, но они всё время врут и утверждают, будто они закончились. Они пытаются снизить мне дозировки. Такое чувство, будто они считают гормоны наркотиками или чем-то вроде этого» [109]

Врач Ник Гортон, специалист по трансгендерному здоровью, описывает серьёзные последствия для здоровья при прекращении медицинских процедур:

«Многочисленные исследования, имеющиеся в медицинской литературе, а также клинический опыт специалистов в этой области, показывают, что отказ в лечении, связанным с изменением пола, вызывает у пациентов страдания, а также приводит к высоким уровням заболеваемости и смертности. Среди транссексуалов, не проходящих лечение, количество попыток самоубийства составляет 20-30%, при том что после прохождения лечения оно составляет всего 1-2%. Откладывание лечения транссексуальных пациентов не только подвергает их дополнительным страданиям, боли и проблемам с социальной адаптацией, но и ставит их жизнь под угрозу. Чем дольше человек думает о самоубийстве, тем выше вероятность, он в итоге его совершит. Транссексуальные пациенты, прошедшие лечение, имеют устойчивую тенденцию к ремиссии своего состояния, что выражается в ослаблении проблем с психическим здоровьем, в общем улучшении самочувствия, социальных функций, работоспособности и межличностных отношений» [110]

Если трансгендерн_ая человек не удовлетворяет административным требованиям на получение гормонов в тюрьме, которые он_а принимал_а до заключения, то последствия, описанные доктором Гортоном, ещё больше усугубляются. Бианка описывает свою ситуацию: «Мне поставили диагноз Расстройство гендерной идентичности в тюрьме, и поэтому мне сказали, что я не могу получать гормоны. Я тайком принимала гормоны от других девочек. Но это обнаружили, отобрали гормоны и перевели меня в другое отделение» [111]. Случай Бианки отнюдь не единственный. Многие трансгендерные люди за пределами тюрем не могут себе позволить обратиться к врачу из-за отсутствия денег, дискриминации и других барьеров. Попадая в тюрьму, многие из них не имеют возможности показать бумажку, подтверждающую их право получать гормоны, даже если они принимали их до этого.

Беа столкнулась в тюрьме с множеством проблем при попытке получить гормоны, и не может добиться права пройти операцию по смене пола. По её словам, отказ в медицинской помощи привёл к серьёзной травме и психологическим проблемам: «Я много раз объясняла психиатрам, что не хочу умереть с этой хренью между ног, но они так ничего не предприняли» [112]. За время своего пребывания в тюрьме, Беа трижды пыталась совершить операцию самостоятельно, с помощью подручных инструментов. В первый раз её поймали и отправили в изолятор на 60 дней. Во второй и третий разы её отправили в госпиталь [113]. Не имея возможности получить адекватную медицинскую помощь, Беа была вынуждена пойти на крайние меры и воспользоваться рискованными методами.

Повышенный риск ВИЧ/СПИД для трансгендерных заключённых

ВИЧ/СПИД получили повсеместное распространение в тюрьмах [114], особенно среди трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* людей, которые с одной стороны, имеют больше шансов заразиться, а с другой, испытывают дискриминацию при лечении. Сандей, ВИЧ-позитивная транс* женщина и участница активистской группы за права бездомных ВИЧ-позитивных трансгендерных людей в Нью-Йорке, рассказывает о неадекватной медицинской помощи при ВИЧ/СПИД для трансгендерных людей в тюрьмах:

«Последний раз когда я сидела в тюрьме, мне не могли дать необходимые лекарства от ВИЧ. При том что они связывались с моим врачом. Они сказали, что у них нет нужных мне лекарств, так что я решила ничего не принимать. Слава Богу, всё закончилось хорошо, но я могла и умереть. Нельзя просто так играть с

препаратами против ВИЧ» [115]

ВИЧ и СПИД крайне стигматизированы в тюрьмах, и ВИЧ-позитивные люди регулярно не получают должного лечения и подвергаются дискриминации на основании своего ВИЧ-статуса. Отсутствие программ снижения вреда лишь усугубляет проблему. Сандей так описывает эту ситуацию:

«Они не дают презервативов, потому что говорят, вы мужчины и между вами не должно быть секса. И что остаётся делать? Они знают, что это происходит. Ты находишься на расстоянии нескольких метров от мужчин, и если ты не дашь им секса, кто-нибудь зарежет тебя в ванне. Кому ты расскажешь? Полиции? Большую часть времени остаётся только молиться, чтобы они не разозлились, и ты вынуждена делать всё, что они захотят. Разве можно ожидать чего-то другого? Мужчины сидят по многу лет, не занимаются сексом... и тут появляемся мы. А охранники не дают нам презервативов, потому что считают, что у нас нет секса. Тут нет никакой информации про ВИЧ, презервативы, никаких занятий. Практически не проводится тестирование. Нет абсолютно ничего. И при этом людей постоянно насилуют» [116]

Высокие уровни изнасилований, сексуального принуждения и проституции, отсутствие презервативов и сексуального просвещения подвергают трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* заключённых повышенным рискам ВИЧ инфицирования, по сравнению с остальными заключёнными. Эта крайне опасная ситуация ещё больше усугубляется отсутствием надлежащей медицинской помощи заключённым с ВИЧ.

IV.3. Душ и невозможность уединения

Трансгендерные, гендерно-неконформные и интерсекс* заключённые сталкиваются с проблемами со своей безопасностью при пользовании душем. Поскольку большинство исправительных учреждений имеют групповые душевые комнаты, трансгендерные, гендерно-неконформные и интерсекс* люди боятся пользоваться ими из-за нежелательного сексуального внимания, которому они подвергаются со стороны заключённых и служащих. Крайне редко удаётся добиться права мыться отдельно от других заключённых. Беа рассказывает: «Мне удалось получить разрешение от врача мыться отдельно, но охранники всё равно пытаются меня отправить в общие душевые. Они постоянно заставляют меня мыться с мужчинами, и если я отказываюсь, тогда они вообще не дают мне помыться» [117] Бианка вспоминает: «Однажды кто-то начал приставать ко мне прямо в душе, а сотрудник просто сидел и смеялся» [118]. Лори рассказывает:

«Мыться вместе с кучей мужиков очень неприятно, особенно с теми, кого посадили за сексуальные преступления и кто прямо так и пялится на тебя. Я бы могла сделать состояние, показывая здешним мужчинам своё тело за деньги, но я бы предпочла остаться бедной и не подвергать себя таким омерзительным ощущениям» [119]

Сандей продолжает ту же тему:

«Но хуже всего души. Это одно большое открытое пространство. Если ты туда попадаешь с грудями, или у тебя сделаны какие-то операции, это превращается в оргию с мастурбацией. Служащие прямо рядом с вами, и всё видят. Я выжила лишь объединяясь с другими девочками. Либо нужно найти какого-то крепкого мужика и стать его сожительницей» [120]

Ещё одна транс* женщина говорит о подобных домогательствах в душах:

«Я испытываю большие трудности при пользовании душем, потому что все приходят посмотреть на меня голую, предлагают заняться сексом, либо пытаются заставить меня силой, притом что я не хочу иметь с ними никаких сексуальных

контактов» [121]

Адвокат_ка Проекта описывает один наиболее запоминающийся случай попытки получения права мыться отдельно для двух своих клиенток в тюрьме штата Нью-Йорк, который показывает полное безразличие со стороны тюремных служащих к проблемам трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* людей:

«У меня есть две клиентки в одной и той же тюрьме. Я узнала, что одна из них, транс* женщина, не может получить разрешение мыться отдельно и боится ходить в общий душ, потому что у неё грудь и другие феминные черты, из-за чего она получает много сексуального внимания. В результате, она решила вообще не мыться. Другая моя клиентка, человек с интерсекс* характеристиками, получила возможность мыться отдельно, и поэтому я обратилась к начальнику тюрьмы, чтобы попросить того же самого и для моей трансгендерной клиентки. Кажется, было очевидно, что им обеим небезопасно находиться в групповых душевых. Начальник мне сказал: "Согласно правилам, мы не должны допускать беременность". Он явно показал, что его не волнуют изнасилования, а только то, что интерсекс* клиентка потенциально может забеременеть» [122]

Как показывают эти случаи, для многих трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* заключённых принятие душа является особенно опасной частью пребывания в тюрьме, потому что в групповых душевых они особенно подвержены сексуальному домогательству и насилию.

IV.4. Регулирование внешности и невозможность гендерного самовыражения

Среди прочих проблем, с которыми сталкиваются трансгендерные заключённые, — невозможность носить одежду, предназначенную для людей того гендера, с которым они себя идентифицируют, а также использовать косметику и другие средства гендерного самовыражения. По словам одной клиентки Проекта, «запрещено всё женское — то есть всё, где есть бирка 'для женщин'» [123]. Лори описывает один из случаев наказания за ношение женской одежды:

«В данный момент я отбываю 30-дневное наказание в дисциплинарном изоляторе за ношение лифчика. Я не могу их носить, пока у меня не вырастет грудь. Но я могу вырастить грудь только на гормонах, которых мне регулярно не дают» [124]

Жакки также говорит о проблеме ношения женской одежды в своём учреждении: «Мы можем носить бюстгальтер, но не женские трусы. Разрешены только спортивные бюстгальтеры, и никакой косметики» [125]

Многие транс* женщины жалуются, что им принудительно стригут волосы при заселении в мужскую тюрьму. Стефани так описывает этот травмирующий опыт:

«Это был самый ужасный день моей жизни, потому что они заставили меня постричь волосы при переводе в эту тюрьму. Я столько времени потратила, чтобы их отрастить! Как будто мне отрезали руку. Зачем они это делают? Они не заставляют стричься женщин-заключённых. Также мне пришлось обрезать ногти, как будто я могу ими кого-то убить» [126]

Интервьюируемые из мужских тюрем сообщали, что часто ношение чуть отращенных волос и ногтей это единственные доступные для них способы выражения своего гендера.

Во время судебного слушания по условиям содержания трансгендерных и интерсекс* заключённых, од_на правозащитни_ца так описывал_а негативные последствия ограничения гендерного самовыражения:

«Во многих тюрьмах заключённым не разрешается одеваться и приводить себя в порядок таким образом, чтобы им было комфортно... многих трансгендерных

женщин в мужских тюрьмах заставляют стричь волосы до стереотипно мужской длины и не дают носить бюстгалтеры. Трансгендерные мужчины в женских тюрьмах часто вынуждены постоянно бриться, несмотря на то, что им не выдают нормальных бритвенных принадлежностей... а в некоторых случаях их принуждают носить балахон, похожий на платье.

Эти формы унижения полностью вписываются в общую атмосферу презрения и могут приводить к более серьезным последствиям... например, проблемам со здоровьем, в случаях когда женщинам не дают бюстгалтеры, а мужчин заставляют бриться без должных инструментов. В некоторых случаях, отсутствие бюстгалтеров способствует сексуальному домогательству» [127]

В своём письме в психиатрическую службу в её тюрьме, Бианка описала негативные последствия регулирования её внешности:

«Я заплетаю себе длинные волосы на женский манер, и тогда меня начинают обзывать и все смеются. Служащие первые начинают... У меня начинается депрессия, я прячусь под одеялом и плачу, потому что это нечестно. Почему я? Ведь я ко всем отношусь уважительно... Я не заслуживаю такого. Я стараюсь быть сильной, каждый раз думаю о том, что скоро я на 100% стану женщиной, которой мне и предназначено быть, но день проходит, и мне всё время больно. Мне требуется еженедельное психологическое консультирование, потому что у меня ужасающая депрессия. Я прошу о помощи. Мне не хочется больше этих мучений, поэтому я нуждаюсь в психологической помощи, чтобы не покончить с собой...

Я отказываюсь выходить из своей камеры, пока мне не позволят помыться и побриться. Если мне и дальше в этом будет отказано, я буду вынуждена писать в департамент психического здоровья в Олбани и объявлю голодовку» [128]

Многие из интервьюируемых описывали травматичные последствия регулирования своего внешнего вида и гендерного самовыражения, подобные приведённым выше. Такие практики создают атмосферу, в которой трансгендерные, гендерно-неконформные и интерсекс* люди подвержены высоким рискам депрессии, тревожности и других психических проблем.

IV.5. Женские тюрьмы

Как и в случае с мужскими тюрьмами, служащие женских тюрем преследуют трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* заключённых, что выражается в словесных оскорблениях, унижениях, частых обысках с раздеванием, помещении в изолятор и т.д.... что во всех случаях сопровождается отказом признавать их гендерные идентичности.

Трансгендерная правозащитница, работающая в женских тюрьмах Калифорнии, отмечает насилие и дискриминацию в этих заведениях:

«Транс* мужчины и гендерно-вариантивные люди, в частности бучи, сталкиваются с особенно презрительным и жестоким обращением со стороны тюремных служащих. Они подвергаются гомофобным и трансфобным оскорблениям со стороны охранников, которые называют их "оно" и наказывают их, если те прикасаются к другим заключённым, потому что считают это "гомосексуальными контактами". Они практически никогда не получают гормонов и иной медицинской помощи при переходе, и их регулярно обыскивают в унижительной вуаеристской манере. Особенно от этого страдают реопле of color, которых служащие также унижают и по признаку расы» [129]

Один трансгендерный мужчина, отбывающий наказание в женской тюрьме в Калифорнии, рассказал о требованиях к одежде, которые составляют часть ежедневного унижения: «В какой-то момент меня заставляли носить платье, при том, что никто больше в тюрьме его не но-

сил. Это было сделано просто для того чтобы унижить меня». Он также описывает, как другого трансгендерного мужчину в той же тюрьме регулярно раздевали и обыскивали, с тем чтобы «определить его пол» [130]. Другая заключённая из той же тюрьмы также описывает случаи унижения трансгендерных и гендерно-неконформных заключённых: «Больше всех достаётся бучам и доминантным лесбиянкам. Их постоянно наказывают и унижают. Это всё делается исключительно из ненависти» [131].

Исключительно жестокое обращение, от которого страдают трансгендерные и гендерно-неконформные люди маскулинного вида — особенно *people of color* — со стороны полиции на свободе, повторяется и в местах лишения свободы [132]. Во время полицейского рейда на политическом мероприятии в Нью-Йорке, где преимущественно присутствовали ЛГБТ *people of color*, двое полицейских ударили трансгендерного активиста из Филиппин о багажник автомобиля, расставили ему ноги и били головой о машину, после чего надели наручники [133]. После того как он был доставлен в полицейский участок, один из полицейских оскорблял его за неконформное гендерное самовыражение, говоря в частности: «Я отлично знаю, кто ты. Мне встречались такие типы. Я хочу, чтобы ты знала, что у тебя никогда не будет ни семьи как у меня, ни детей как у меня, ни даже собаки как у меня. И что бы ты ни прицепила себе между ног, это никогда не будет таким же большим и настоящим как у меня. И ты закончишь свою жизнь как все тебе подобные — без работы, без дома, и сдохнешь от наркотиков». Так как полицейские не могли понять, как его обыскивать, то держали его прикованным к столбу во время допроса и в итоге определили в женскую камеру. За всё время задержания, полицейские называли его в женском роде [134]. Как показывает этот случай, формы унижения и насилия, распространённые в женских тюрьмах и следственных изоляторах, ещё более усиливаются, когда неконформный внешний вид сочетается с дискриминацией по признаку расы и политических убеждений.

V.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Как показывают многочисленные исследования, от системы криминального правосудия наиболее страдают те группы людей, которые подвержены наиболее тяжёлым формам маргинализации и криминализации — *people of color*, трансгендерных людей, и бедных. В связи с этим мы ощущаем необходимость скорейших изменений в нашей культуре, которая опирается на полицию и тюрьмы в попытках решить проблемы бедности, насилия, употребления психоактивных веществ и другие социальные и экономические проблемы. Мы поддерживаем стратегии, которые помогают людям получить доступ к ресурсам, необходимым для преодоления бедности и дискриминации, не вступая в контакт с правоохранительной системой. Держа в уме эту более глобальную задачу, мы тем не менее осознаём необходимость срочных мер по облегчению условий существования тех трансгендерных, гендерно-неконформных и интерсекс* людей, которые сталкиваются с унижениями, насилием и опасностью для жизни в полицейских участках, изоляторах и тюрьмах. Приведённые ниже рекомендации как раз направлены на краткосрочные решения некоторых из этих проблем.

1 **Принять меры, направленные на снижение числа трансгендерных, интерсекс* и гендерно-неконформных людей с тюрьмах**

Обеспечить доступ к безопасному жилью, трудоустройству, здравоохранению, социальному обеспечению и образованию для трансгендерных, интерсекс* и гендерно-неконформных людей. Данная мера призвана снизить уровни бездомности, бедности, заболеваемости и безработицы, вызванные трансфобной дискриминацией, которые ведут к преступлениям ради выживания и непропорционально высоким уровням арестов и заключения под стражу трансгендерных и гендерно-неконформных людей.

Расширить финансирование и использование альтернатив тюрьмам, включая программы лечения от наркотической зависимости.

Улучшить программы реабилитации после выхода из тюрем, таких как поддержка в трудоустройстве, лечение от зависимостей и психологическая помощь, направленная на преодоления травм, которые трансгендерные заключённые получают в результате насилия в тюрьме. Такие программы помогут снизить число нарушений режима условно-досрочного освобождения и рецидивизма среди трансгендерных людей, отбывших заключение. Что особенно важно, никто из выходящих из тюрем не должны принуждаться против своей воли участвовать в программах реабилитации, по условиям которых они должны будут жить в иной гендерной роли, чем выбранная ими, либо в программах, где они будут подвергаться дискриминации по признакам гендерной идентичности, гендерного самовыражения или интерсекс* состояний.

Бороться с полицейским профилированием и несправедливыми арестами в отношении трансгендерных, интерсекс* и гендерно-неконформных людей, а равно как и бедных, бездомных и других маргинализированных групп людей. Для этого необходимо разработать и внедрить чёткие инструкции для полиции, касающиеся вопросов гендера и гендерной идентичности, проводить тренинги на различных уровнях и ввести контроль за поведением полицейских и соблюдением этих инструкций.

2 Изменить правила содержания заключённых, с тем чтобы улучшить условия пребывания и безопасность для трансгендерных, интерсекс* и гендерно-неконформных людей в тюрьмах

Размещать трансгендерных, интерсекс* и гендерно-неконформных людей в соответствии с тем, где им, по их собственному ощущению, будет безопаснее и где они с меньшей вероятностью столкнутся с насилием и унижением. При поступлении в исправительное учреждение, служащие должны разместить трансгендерных и интерсекс* людей там, где они, по их собственному убеждению, смогут получить максимальный уровень безопасности и уважения к своей гендерной идентичности. Среди возможных вариантов: женские отделения, мужские отделения, общие камеры или индивидуальные защищённые камеры. Служащие не должны автоматически размещать трансгендерных людей в соответствии с полом, приписанном им при рождении. Заключённые должны иметь возможность изменить свой выбор в любой момент, если это продиктовано соображениями безопасности.

Разработать чётко прописанные инструкции по обращению с трансгендерными, интерсекс* и гендерно-неконформными заключёнными, в которых будут содержаться правила решения проблем с безопасностью заключённых, будет запрещена дискриминация, оскорбления и необоснованные обыски. Такие инструкции должны однозначно запрещать оскорбительные высказывания (включая гомофобную и трансфобную лексику), сексуальные домогательства, а также обращение к заключённым по имени и в роде, отличающимся от того, которое человек применяет по отношению к себе. Инструкции также должны содержать возможность использования индивидуальных душевых кабин для трансгендерных, интерсекс* и гендерно-неконформных людей.

Проводить регулярные и обязательные занятия для администрации, служащих тюрем, полицейских, судей, юристо_к и других, вовлечённых в правоохранительную систему... по вопросам трансгендерности, интерсексности и гендерной неконформности. Такие занятия должны проводиться сторонними квалифицированными тренер(к)ами.

3 Усовершенствовать процедуры рассмотрения жалоб заключённых и ввести ответственность для служащих за унижение, насилие и дискриминацию

Дать возможность заключённым быстро и легко отправлять конфиденциальные жалобы об унижении, насилии и дискриминации в независимую инстанцию. Служащие этой инстанции должны быть надлежащим образом обучены и иметь неограниченный доступ в исправительные учреждения, а также необходимые полномочия и ресурсы для проведения тщательных и быстрых расследований.

Убрать юридические и практические препятствия для заключённых, которые хотели бы получить компенсацию за вред, причинённый им в исправительных заведениях. Ввести ответственность для служащих исправительных учреждений, если они отказываются предоставлять доказательства, связанные с судопроизводством по таким делам (например, видеокассеты, медицинские записи и жалобы).

4 Обеспечить доступ к надлежащей и недискриминирующей медицинской и психиатрической помощи, профессиональным и образовательным программам, реабилитационным программам. Предоставить возможность носить одежду, соответствующую гендерным предпочтениям заключённых

Предоставить своевременную и надлежащую медицинскую помощь всем заключённым, включая гормональную терапию и медицинские услуги, связанные с трансгендерным переходом, даже в случае отсутствия подтверждающих документов о проведении гормонотерапии до заключения. Возможность сделать трансгендерный переход и выражать свою гендерную идентичность имеют важнейшее значение для психологического и психического здоровья многих трансгендерных людей. Если они не имели возможности начать процесс перехода до попадания в тюрьму, они должны получить её в исправительном учреждении.

Улучшить базовое медицинское и психиатрическое обслуживание без дискриминации и унижений.

Предоставить доступ к образовательным, профессиональным и реабилитационным программам без дискриминации и унижений.

Обеспечить возможность носить одежду, принятую для того гендера, с которым себя идентифицируют заключённые. Разрешить трансгендерным заключённым носить одежду, в которой им будет наиболее комфортно. В случае трансгендерных женщин, к этому могут относиться лифчики, юбки, блузки и женское бельё. Также необходимо убрать запреты на длинные волосы и ногти, так как они часто являются важными составляющими гендерного самовыражения трансгендерных людей.

Предоставить надлежащую медицинскую и психологическую помощь людям, пострадавшим от изнасилования, сексуального домогательства, побоев и унижений.

Обеспечить заключённых презервативами для препятствия распространению в тюрьмах ВИЧ и других инфекций, передающихся половым путём.